

Шестидесятые годы прошлого века в общественной и культурной жизни ознаменовались взрывом, который произвели четыре молодых парня из Ливерпуля, назвавшие себя The Beatles. Последствия, которые охватили весь мир, перестраивая сознание людей и их мировосприятие, после появления битлов в нашей жизни поистине грандиозны. Не осталась в стороне от этого процесса и наша страна, именуемая в те годы СССР. Пусть и с некоторым опозданием, наши парни взяли в руки электрогитары и запели песни, которые часто неумело, но зато искренне сочиняли сами. И рок-н-ролл, который они пели, увлекал их, ломая привычную жизнь и забрасывая в далекие страны, где их ждали необычные приключения.

Так вот, в нашей истории четыре парня, назвавшие себя «Птицы»: Андрей Брунов (Дрон), Игорь Кулик (Болото), Сергей Ерохин (Ероха) и Александр Грачев (Шурик) — сначала мечтают о создании группы, приобретении инструментов и аппаратуры. А затем, когда эти проблемы решены и приходит первый успех, их увлечение уже меняет самих ребят, устранивая американские горки и проверяя их на прочность...

ПТИЦЫ

В тот субботний вечер вся молодежь от пятнадцати до двадцати лет, проживавшая в районе метро «Прспект Вернадского», будто взбесилась...

Все ожидали вечера в сто шестьдесят девятой школе, который устроила англичанка Юлия Михайловна. Он назывался безобидненько: «Лондон. Его язык и традиции». Все понимали, что будут доклады об Англии, несколько сцен, их сыграют на английском языке ученики старших классов, а потом будет премьерное выступление «Птиц». Молва о них уже разошлась по окрестностям, и даже ребята, жившие на улице Кравченко, собирались прийти на выступление. Многие опасались выяснений отношений удальцовских, где, собственно, и находилась школа, и кравченковских, у которых была устойчивая репутация отпетых хулиганов. Кто-то из начальства школы предложил на всякий случай отменить вечер, но Юлия Михайловна сумела убедить, что так учителя потеряют авторитет у учеников. Тем более что интерес к языку после рождения «Птиц» явно вырос. Да что там говорить, учителям, а большинство из них были совсем молодыми девчонками и парнями (из старой учительской гвардии никто не хотел ехать работать на окраину Москвы), самим было интересно, чего там играют и поют Андрей, Игорь и их друзья. А по-

том, многие из учителей пообещали своим знакомым и детям своих знакомых провести их на мероприятие. В общем, все было повязано обещаниями и обязательствами, и не состояться вечер не мог. Я думаю, и дети важных милицейских начальников хотели попасть в школу сто шестьдесят девять в ту субботу. Хорошо, что слухи не дошли до высших эшелонов власти, а то те наломали бы дров. Что было сделано директором и завучем? Вызвали пару милиционеров в форме из числа родителей учеников школы. Обычно на вечерه присутствовали кто-то из учителей и члены родительского комитета. А в этот вечер о традициях Лондона захотел узнать весь учительский состав, да и родители проявляли неожиданную активность.

Ажиотаж, который начался еще с пятницы, вызвал у «Птиц» неведомое доселе волнение. Дрон говорил, что это творческая лихорадка и она пройдет, когда они выйдут на сцену. Последние два дня они репетировали в актовом зале школы с усилителями, ударной установкой и микрофонами (их Ероха таки купил у какого-то слесаря трамвайно-троллейбусного депо). Получалось неплохо.

— А как здорово, что мы будем петь на вечере английского языка... Не придется никаким партийным дуболомам объяснять, почему мы не поем по-русски, — сказал, обращаясь непонятно к кому, Болото.

— Вообще-то это проблема. Нам, я думаю, придется что-то выучить на русском языке, чтобы была отмазка, — сказал рассудительный Дрон.

— Ну почему итальянскую оперу, — встрял в разговор новичок, студент Гнесинского института Шура Грачев, — можно петь на языке оригинала, а нам по-английски нельзя?

— А потому, Шура, что американский язык — это язык наших классовых врагов.

— Знаете, — многозначительно сказал Игорь, — мы будем вынуждены, как большевики, сочетать легальные и нелегальные методы борьбы. Что, мы зря учим историю? Знание нас вооружило.

— Ты, вооруженный, поменьше языком чеши, а то...

— Что а то?

— А то... А то, что стены нынче тоже слышат, — подвел итог политической дискуссии самый взрослый, Ероха.

— Вы кого-нибудь приведете на наше выступление? — спросил Дрон.

— Я приду с Галкой, — сказал Ероха.

— Серег, дай мне телефон Наденьки, я хочу ее пригласить.

— Ну ты даешь, Болото. Она дала телефон мне, а буд-дет твоей девушкой. Ладно, мне не жалко, пользуйся, пока я добрый, все равно со мной Галка будет.

Ребята волновались, и трудно представить человека, который бы в этой ситуации не волновался. На концер-те все забыли, что там будут какие-то сценки на англий-ском и что Юлия Михайловна поет какую-то песню под аккомпанемент Дрона, и ждали, когда же на сцену выйдут «Птицы». Игорь увидел в зале своего соседа по дому Сергею Саломыкова, которого никто, ну про-сто никто не мог пригласить на вечеринку. Позднее он рассказал Болоту, что влез в туалет на третьем этаже по водосточной трубе. И таких верхолазов было человек десять. Пока эту тропу не обнаружили бдительные ми-лицийеры и не организовали там пост, ребята успешно проникали в туалетное учреждение. Слава богу, что все прошло без падений с трубы и никто никому не разбил лицо в богатырской драке, а то, что курили... Ну, кури-ли, ну, пили портвейн из горла. Так пили бы и курили и на каком-нибудь вечере «Здравствуй, золотая осень» точно так же.

В зал набилась куча людей. Практически всё сво-бодное пространство было заполнено ребятами. Учи-теля чинно восседали на стульях в первом и втором ряду, отгоняя от себя мысли о том, что будет, случись что-либо...

Сдержанные аплодисменты, сопровождавшие сцен-ки из лондонской жизни, выросли в хорошую овацию после пения англичанки Юлии Михайловны, и вот...

Объявили маленькую паузу для подготовки сцены перед выходом «Птиц».

Ребята оделись в лучшую свою одежду. Хотя... Еро-ха был в джинсах (он так называл сшитые им самим из вельвета брюки); Дрон раздобыл какую-то жилетку, из-под которой торчала клетчатая рубашка, конечно, на ногах были кеды; Игорь, отец которого считал «техасы» рабочей одеждой, был упакован в цивильный костюм с белой рубашкой с длинным воротником (соплями, как звали такой воротник модники) и в галстук. А Шура, чтобы одежда не мешала ему играть, был в каких-то брюках и ковбойке, этакой полурубашке-полусвитере. Ребята вышли на сцену, начали подключать свои ин-струменты и поправлять стойки микрофонов себе под рост. Смешно, но проблему стоек и ремней для гитары пришлось тоже решать. В итоге отец Грачева предло-жил использовать музыкальные пульты в качестве сто-ек для микрофонов, а Ероха купил три ремня для выгула собак, которые превратились в ремни для гитар. Ребята оторвались от своих инструментов, показывая, что у них все готово. Шум в зале прекратился, и в пол-ной тишине, громко цокая каблучками, вышла Юлия Михайловна.

— Ребята, встречайте! Вокально-инструментальный ансамбль «Птицы»!

В едином вопле восторга слились аплодисменты и крики, я думаю, трехсот человек (больше в актовом зале просто не уместилось бы). Этот первобытный вопль мгновенно возник, сразу достигнув трех forte, и так же мгновенно стих. И в полной тишине все услы-шали, как Шурик Грачев четыре раза ударил палочку о палочку, давая счет заглавной песне их выступления. Большинство впервые услышало столь громкую, вер-нее, мощную музыку.

И она, эта неслыханная и невиданная музыка, по-работила ребят, и они сразу начали в такт первой песне вместе хлопать. А когда «Птицы» эффектно ее закон-чили, весь зал, будто получив единовременную инъек-цию, вскочил со своих мест (это кто сидел), а учителя, пытавшиеся сохранить трезвость восприятия, тем не менее поддались общему настроению и забыли о том, что они воспитатели и сколько им лет.

Игорь, придя в себя после ошеломительных первых минут их выступления, взглянул в зал и впервые в жиз-ни почувствовал почти на материальном уровне энер-гию, идущую из зрительного зала и захлестнувшую его практически с головой. Это было похоже на морскую волну, но он еще не бывал на море и поэтому сравнил с быстрым течением воды на стремнине, когда невоз-можно сопротивляться течению и остается отдаться во власть его. И он отпустил себя, и музыка и музыканты увлекли его в водоворот новых ощущений, когда ты понимаешь жест и движение души своего партнера, зачастую заранее предвосхищая его мысли и действия. Зрители были во власти музыкантов и подчинялись любимым их требованиям. Игорь потом тысячи раз выхо-дил на сцену, но ощущения того первого выступления в актовом зале школы № 169 на исходе осени 1964 года остались у него навсегда. Болото видел зрителей как в каком-то кино, в котором роли играли знакомые ребя-та и учителя, превратившиеся в статистов.

А главными героями были они, «Птицы», вылетев-шие из своего гнезда и спевшие свои песни.

Игорь увидел Надежду (она прошла по пригласи-тельному билету, который Болото оставил на входе) прямо под сценой. Наденька стояла рядом с ерохин-ской Галиной. И просто пожирала глазами Ероху. Две красавицы: Галина и Надежда, и обе тащатся от Сереги. Они были действительно хороши. Одна тоненькая, с точеной фигурой, эдакая европейская штучка с иссиня черными волосами, разбросанными по плечам и спине.

С Ерохой у них отношения длились больше года, и они иногда даже строили общие планы. Изучение фи-зиологических особенностей мужского и женского тела у них продолжалось, но они уже, как внимательные

супруги, знали, как доставить друг другу удовольствие, оставшись наедине в родительской, ее, Галкиной квартире или, если вдруг перепадала такая возможность, зависнув у кого-то из друзей на даче. Они старались предохраняться, но тем не менее Галка однажды попала, и Сергуня, как называла она его, организовал ей какого-то подпольного врача, вернее, врачиху...

Все прошло не очень гладко, и Галка безумно боялась последствий. А Ероха что? А что Ероха? Привычно успокаивал ее, говоря, что они под охраной небес, поскольку только там решается, дарить или не дарить людям такую любовь, как у них.

Зато Надежда была ее противоположностью — с очень ярко очерченной фигурой, которую могут сколько угодно ругать женщины и эстеты, но мужчинам такие девушки нравятся, и все тут. А ей очень, ну очень нравилось нравиться... Она, если охарактеризовать Наденьку одним словом, была желанная, а это часто более действенное оружие на любовном фронте, нежели все стандарты, что так рекламируют журнальные аналитики. Она была чуть старше Игоря, Дрона и Шурика и поэтому для себя объектом притязаний выбрала Ероху. Но вот беда — он пришел с девчонкой, и надеяться оторвать его от такой красотки сразу вряд ли получится. Что ж, подождем, а пока... А пока, может, Игорек? Боже мой, но он такой ребенок... Так на нее смотрит. А Игорю определенно нравилась Надежда, и он испытывал первые признаки ревности, не поселявшиеся до этого дня в его душе. «Интересно, как Серега будет сегодня с ними разбираться?» — подумал Болото.

А Серега и не заморачивался на этом... Ну, две девчонки, ну, две красавицы. Но если любить не их, таких классных парней, а «Птицы» стремительно набирали висты, то кого? Пусть нюни утрут. Игорь, Дрон и Шура думают, как завоевывать девичьи сердца.

Ха-ха-ха... Ероха ситуацию для себя перевернул с ног на голову: это девчонки должны завоевывать их и добиваться внимания таких музыкантов, как они... Вот такая жизненная правда, и пусть кто-нибудь опровергнет ее.

А ребята? А ребятам он все объяснит, и они тоже сумеют разбить не одно девичье сердце.

Температура концерта явно поднималась, и после Little Child, спетых дуэтом Игорем и Андреем, Ероха спел про «Голубые замшевые ботинки».

Ребята сами удивились, насколько заводно звучит их музыка, когда ее играешь громко.

Директриса, женщина лет сорока или около того, и нанятые милиционеры поглядывали друг на друга, но к решительным действиям не приступали. Однако «Птицам» хватало разума не переходить черту, разделяющую веселье и бесчинство. Чтобы отпустить немного

страсти, которые их музыка пробудила в ребятах, они сыграли Till There Was You.

Солировал Игорь, и его несильный, готовый вот-вот сорваться голос с неожиданной трещинкой тем не менее привлек к себе внимание, особенно девичьей части аудитории. Болото, пацан, выглядевший лет на пять моложе своего истинного возраста, пробуждал в женщинах, да и в девчонках (а кто сказал, что они не будущие женщины) желание взять над ним шефство, желание спрятать его у себя на груди. И пусть кто-то скажет, что это недостойно мужчины. А потом такое чувство лучше, чем отсутствие чувства как такового. Пусть прячут на груди, а там разберемся... Игорь Кулик со своей сольной песней оказался интересен публике и на контрасте с Ерохой выглядел очень даже ничего.

И вот последний номер: Twist And Showt. Почти весь зал, ну, те ребята, что слышали эту песню, подпевали «Птицам». А они эффектно закончили петь и играть и, выключив свои гитары (а они репетировали конец своего выступления), ушли со сцены. «Птицы» стояли за кулисами, а зал скандировал название их группы, требуя продолжения концерта.

— Может, мне им «Фонари» спеть? — смеясь, спросил Ероха.

— Ты что, дурак? — среагировал Дрон.

— Шучу, шучу я, — ответил Ероха, вытирая пот с лица.

— Ребята, поздравляю, у нас все получилось! — прошептал-прокричал Болото. — Надо подумать, что делать дальше... Уж больно громко у нас вышло, так просто это не пройдет, как бы соответствующие начальники не приняли мер.

— О чем ты думаешь? Мы победили сегодня, все остальное будет завтра. Будут проблемы, будем их решать, — парировал Шурик.

— Ребята, мы победили, — прокричала Юлия Михайловна, почему-то целуя Дрона.

— Пусть будет так, как получилось. Ура! — крикнул Игорь.

И все подхватили это «ура» и, счастливые, начали обниматься друг с другом.

Наденька стояла недалеко от дверей школы и ждала, когда ребята выйдут на улицу. Около десяти девчонок и парней тоже поджидали «Птиц». На что надеялись девчонки, неизвестно; молодые музыканты еще не научились пользоваться плодами своей популярности. Зато Надежда, зная силу своих чар, сразу взяла быка за рога.

— Кто меня сегодня пойдет провожать? Так, Сережа у нас занят, поэтому я выбираю Игоря. Мне так понравилось, как он сегодня пел. Ты не трусь, Игорек, я

живу недалеко, на 1-й улице Строителей, рядом с метро «Университет».

Игорь, который и не мечтал о том, что у него сегодня будет свидание, да еще с девчонкой старше его (а это было определенным показателем доблести в мальчишеской среде), пробормотал:

— Тогда я быстренько отнесу гитару в школу, подожди меня пару минут.

— Давай, Игорек, одна нога здесь, другая там, — смеясь, сказал Ероха, — и помни, что на тебе честь коллектива, смотри не подкачай.

— Не бойсь... Все сделаю в стиле рок-н-ролл! Бигбит-ура! — отчеканил Болото и рванул, сопровождаемый покровительственными взглядами Сереги и Надежки, с гитарой обратно в школу.

Через пару минут он вышел снова на улицу. Ребята, сопровождаемые первой группой фанатов, пошли в сторону своих домов, а Надежда с непонятной для Игоря улыбкой, будто приклеенной к ее лицу, ждала у дверей школы.

— Ну что, пошли? — начала неспешный разговор Надежда. — А ты шустрый, мигом слетал на пятый этаж.

Надя и Игорь неторопливо отправились в сторону метро.

— Конечно, я боялся, пока понесу гитару, ты кого-то еще пригласишь проводить себя.

— А ты не бойся, и никто у тебя никого не уведет. Ты же орел, на гитаре играешь, поешь, симпатичный... Да ты — мечта любой девчонки... Маленький, правда... Это я про твой возраст, вернее, про твое ощущение возраста, но это не беда. С сегодняшнего дня я беру над тобой шефство, и ты у меня мигом всему научишься. Только пообещай, пожалуйста, что не влюбишься в меня... Не влюбишься? Смотри мне в глаза...

Игорь поднял свои глаза и посмотрел на свою спутницу. Он пока не знал, кто она для него...

— Не знаю... Я постараюсь.

— Не знаю, я постараюсь, — передразнила его девчонка. — Ты классный, и я не делаю тебе одолжение, ты мне очень даже нравишься. Не горюй... А то, что я сначала хотела Ероху закадрить, так это потому, что он старше вас будет. Опыт читается на его лице. Но сейчас со мной ты, и для меня никого не существует больше.

Они вошли в метро, и Игорь поделился с ней пятачком, который был платой в тогдашнем метрополитене. В вагоне, как и во всем поезде, никого не было, ну практически никого. Им надо было выходить на следующей остановке, и поэтому они остались у дверей. Надежда что-то ему говорила, плотно прижавшись к нему, чтобы перекрыть шум движущегося поезда. Но он ничего не понимал... Сладкая волна накрыла Игоря, и он не мог сосредоточиться на том, что балаболила ему

Надя. Даже через пальто, через два пальто, свое и Надеждино, ощущал Болото огонь ее тела и чувствовал ее немаленькую грудь, готовую вырваться на волю. Он уже целовался однажды; было это, когда он отдыхал у бабушки. Тульская девочка Шурочка была его ровесницей, и для нее это тоже было впервые. Они до синяков искушали друг друга губы, страстно сжимая друг друга в объятиях.

Он гладил ее по спине, а она позволяла это делать ему. А еще ему запомнилось, как она, оторвавшись от него, снова бросалась на него с объятиями и как его мгновенно простреливало необыкновенной сладостью. И это было самое восхитительное ощущение, испытанное его телом и душой. Конечно, он уже занимался исследованием своего организма, и мужская субстанция была им выделена неоднократно, испугав его в первый раз. Но то, что он испытал с Шурочкой, было совсем по-другому; может, от того, что она ему нравилась. Хотя сказать, что Надя ему нравится меньше, было бы неправильно. К Надежде его тянуло как магнитом, и Болото не мог сопротивляться этому. И он понял, что никакие сновидения не смогут заменить чувство, которое возникает между парнем и девушкой. И теперь в метро забытое вождение, возникшее тогда в деревне у бабушки, было готово ворваться в него на перегоне «Проспект Вернадского» — «Университет».

Поезд резко затормозил, и Игорь оторвался от Надежки. Она лукаво улыбнулась и, взяв его под руку, уверенно повела к выходу, что был в середине вестибюля станции. Они поднялись наверх и вышли к домам, что были в районе метро «Университет».

— Ты что, живешь в красных домах?

— Почти... Считаю, что практически в красных. Я здесь выросла и знаю все уголки. Хочу тебе показать одну беседку, где мы с тобой можем, никому не мешая, поболтать. Ты не спешишь?

— Вроде как нет.

— Игорек, бери инициативу в свои руки, — прошептала Надья, когда решительно толкнула его в беседку. — Ты знаешь, дама хочет, чтобы ее поцеловали.

Надежда обвила Игоря руками и впиалась своими губами в его рот. То ли благодаря опыту дамы, то ли природа помогла, но все получилось в высшей степени здорово. Игорь почувствовал, что весь его организм пришел в боевую готовность, и, стесняясь этого, отодвинулся от Надежды. Но ее нога, не оставляя ему шансов, проникла к нему между ногами.

— Ах, какой у нас славный мальчик, как ему хочется погулять, — бормотала девочка, имея в виду, конечно, не Игоря, а детали его организма.

А он молчал и не знал, как ему реагировать на проски Надежды.

— Ну, что ты трусишь? — шептала она, расстегивая ему ремень на брюках. — Мы же в пальто, и нас никто не увидит. И мои красавицы хотят на волю, поласкай их, — шептала она, отправляя руку Болота к себе под кофту.

И Игорь слетел с катушек. Упругая девичья грудь в его руках и его восставший символ мужественности в ее руке привели к неизбежному.

Освобождение было мгновенным, обильным и необыкновенно сладостным. Чтобы не закричать, он уткнулся к ней в пальто, нечленораздельно мыча какие-то звуки.

— Какой славный мальчик! Вот и молодец, вот и славно. Я тебя всему научу, ты будешь лучшим, мой Орфей. Боже мой, какой ты необыкновенный.

— Прости меня, я ничего не умею и недостоин тебя.

— Дурачок! Ты даже не представляешь, как ты восхитителен. Я вылеплю из тебя прекрасного любовника, ты такой замечательный материал для моей будущей скульптуры. Я буду твоим Пигмалионом, а ты — моей Галатеей. Мы перевернем классический сюжет. Только не влюбляйся в меня. Я недостойна твоей любви. У тебя будут сотни женщин, но я буду первой, и я тебя научу всему. Это не такая сложная наука. У тебя есть все, чтобы быть восхитительным любовником. Завтра воскресенье, моих с утра не будет. Я буду ждать тебя к одиннадцати. Приезжай, ты свободен?

— Да, а где ты меня будешь ждать? У меня даже телефона твоего нет...

— Завтра, все завтра, а пока беги домой. До подъезда меня не нужно провожать. В одиннадцать я буду ждать тебя в этой беседе.

К восьми у Дрона собрались вчерашние триумфаторы — вокально-инструментальный ансамбль «Птицы». Матушка Брунова Елена Борисовна приготовила предусмотрительно чай, ребята сели вокруг стола и неторопливо прихлебывая его, начали вспоминать вчерашний концерт, припоминая чьи-то ляпы и в который раз переживая свое вчерашнее выступление. Смысл восторженных речей походил на хвалебные оды, которые ораторы посвящали друг другу. Наконец Дрон, который выделялся своими стратегическими замашками, решил перейти от чаепития к проблемам насущным.

— Великий вождь всех народов во времена коллективизации указывал, что надо опасаться головокращения от успехов. Наблюдая за нами, я могу сказать, что бацлла самолюбования уже успешно завоевывает наш организм и нам нужно принимать экстренные меры, чтобы серьезно не захворать. Я думаю, что мы себе и посетившей наше представление публике доказали, что можем играть эту музыку, тщательно копируя перво-

источники. Но, во-первых, не мы ее придумали, мы всего лишь копиисты, более или менее овладевшие техникой снятия песен с оригинала. Во-вторых, мы поем по-английски, и нам этого не дадут делать большевики, которые рулят всеми нашими процессами в стране. Вчера нам все сошло с рук, но я не сомневаюсь, когда мы будем петь I Saw Her Standing There на вечере под условным названием «Москва — порт пяти морей», нам врежут по полной программе. У них достаточно средств, чтобы сделать нашу жизнь несладкой.

— У кого у них? — спросил Шура.

— Да у тех, которые поставлены следить, не пущать и говорить «не положено»!

— Так Никита же развенчал культ личности.

— Ага, только его самого развенчали.

— И что ты предлагаешь? — снова спросил Шура.

Андрей взял паузу и начал разливать чай. Ерохин молча слушал Дрона и пока не вступал в беседу. Игорь, не отошедший еще от своих сердечных переживаний, никак не мог собрать свои мозги в кучу.

— Что я предлагаю? Ну, сначала нам нужно обзаводиться своей аппаратурой, чтобы ее в качестве воспитательной цели не могли на раз-два отобрать.

— Правильно, — вступил Ероха, — тем более что весной вы уходите из школы...

— Ну, положим, что в школе не будут против, чтобы мы играли на их аппарате на всяких вечерах, — ответил Андрияха.

— Это конечно, но вдруг завтра окрыленные нашим успехом восьмиклассники возьмут гитары в руки, и тогда мы будем вторыми, и нам будут делать одолжение, давая возможность пользоваться имуществом школы. Поэтому аппарат надо иметь свой.

— У меня есть один Самоделкин, который грозился собрать пульт на восемь входов, — этого нам хватит, чтобы в него воткнуть гитары и микрофоны. Он также обещал нарисовать схему колонок с фазоинвертором (это такой агрегат, поднимающий низкие и высокие частоты), но где и как это сделать, я и мой дружок Витя Середа не знаем.

— Ну, я смастерил гитару, думаю, мебельный комбинат не обеднеет, если мы у них попросим чуть-чуть древесины на колонки.

— А я что подумал... — вдруг очнулся от своих грез Игорь. — У нас есть теперь замечательная возможность платить за доброту, проявленную по отношению к нам. Наше выступление!

— Ну вот, опять проблема аппаратуры. Кто нам даст усилки, да и колонки взять на наше выступление, подернись оно нам? — спросил Дрон.

— Отлично, будем считать, что проблему с аппаратурой надо решать. Надо думать и надо, я думаю, подклю-

чать к решению наших проблем поклонников, — прекратил прения Ероха. — Что у нас на второе?

— На второе у нас котлеты с картошкой, — пошутил Шура.

— Погоди ты со своими шуточками, Грачев, — сказал с некоторым раздражением Ероха.

— Я думал сегодня всю ночь, и вот что я вам скажу: мне кажется, что нам нужно сделать вторую программу... Программу на русском языке, чтобы всегда можно было отмазаться от притязаний начальства, — начал излагать свою мысль Андрей.

— И где мы столько песен на русском языке найдем? — спросил Шура. — Может, нам «Катюшу» в рок-н-ролл переделать?

— Это проблема, — пробормотал Дрон. — Серега, ты много песен знаешь, которые мы могли бы сыграть и спеть из нашенского сермяжного исконного?

— Ну, я все же не думаю, что нам нужно к этому относиться слишком серьезно. Я думаю, что в ресторане приходится играть сотню песен, чтобы заработать. И музыканты к этим песням относятся несерьезно: сыграли и забыли. Игорь, ты наверняка знаешь песни на русском, причем с такой гармонией, что нам не надо будет сильно зарубаться на репетициях, когда будем их делать.

— Ну, у Сереги есть «Фонари», наверняка у него есть еще что-то, у меня можно по сусекам поскрести. Только я вот что думаю... Большой разницы, вернее, принципиальной разницы в пении чужих песен на русском и английском языке я не вижу. Вот «Битлы» сами придумывают себе песни, а что если нам?

— Ну ты сказал...

— А что? Если придумаем песню, то уьем двух зайцев — свой репертуар, да еще и на русском языке.

— Пожалуй, это проблема будет покруче, чем смастерить аппаратуру. И кто этим займется? — спросил Ероха. — Я даже не знаю, с какого конца за это братья.

— Знаешь, наверно, на ловца и зверь бежит, — отхлебывая чай, неторопливо начал развивать свою новую мысль Дрон, — у нас в классе есть парень, Юра Тернавский, и он перед нашим концертом предложил мне прочесть свое стихотворение. Знаете, очень даже ничего... Юрка предложил мне придумать песню, а я почему-то наотрез отказался от этого, а сейчас думаю, почему бы не попробовать?

— А про что песня? — спросил Шура.

— Подожди, может, ничего не получится.

— Получится, получится.

— Э-э-э! Я тоже прорыл всю нашу классику, пробовал... И что? А ничего! Поэтому, Шура, Дрон правильно делает, что ничего не показывает нам. Получится — тогда мы порадуетесь... А меня еще такой

момент интересует, — продолжал Ероха. — Скоро вы, вернее, Дрон и Болото, заканчиваете школу... И что дальше? Грустно будет разбегаться, у нас вроде все неплохо получается. Я, собственно, вот о чем: я от армии откосил, Шура учится. Что думаете вы? Дрон, Болото?

— А собственно, что мы должны думать? Мы с Игоряхой должны кровь из носу поступить в институт. Благодаря Хрущеву и меня, и Болото сразу же забреют в армию уже в октябре этого года. Обязать вас ждать нас, как преданным девушкам? Бред какой-то... Как говорит Шурик, будем решать проблемы по мере их поступления.

— Дело в том, — опять взял слово самый взрослый из «Птиц», Ерохин, — если вы уйдете в армию, а мы что-то соберем из аппаратуры, потратившись на нее, новые ребята, а мне не хотелось бы, чтобы группа перестала с вашим уходом существовать, придут на готовенькое место, не потратив ни рубля и не пролив капли пота. Это неправильно...

— Ну, я думаю, — заговорил обычно неразговорчивый Шура, — новые ребята могут внести денежный эквивалент, который мы отдадим уходящим в армию. А потом, мне не нравится обсуждать эту проблему заранее. Мне кажется, что мы Игоря и Андрюху хороним заживо.

— Тихо, тихо, Шура! Я приложу, уверен, меня поддержит и Дрон тоже, все силы, чтобы поступить. У меня две попытки: в июле кину документы в МИФИ, а если пролечу, пойду в какой-нибудь совсем легкий вуз с военной кафедрой. Ну не совсем же я дурак? — постарался прекратить прения Игорь Кулик.

— Собственно, я думаю, все! Во всяком случае то, о чем я передумал прошлой ночью, я с вами обсудил и более или менее для себя прояснил ситуацию, — опять взял слово Брунов, который вносил в стихийность ребячьей забавы элемент порядка.

А что удивляться? Андрей собирался поступать в МГУ на юридический факультет. А кому как не юристу поддерживать этот самый порядок и обозначать направление развития?

— Ну что? Все? — начал Ероха. — Тогда, раз у нас практически семья, я хотел бы услышать отчет Болота о его свидании с чаровницей Надей.

— Ероха, все хорошо, — начал Игорь, — и я тебе благодарен, что ты стал невольным участником моего вчерашнего вечера.

— Игорек! Ну нам же интересно! — продолжал атаковать Серега.

— Ребята, я бы хотел этот вопрос тоже обсудить на нашем «производственном» собрании. Я думаю, что

если кто-то сам захочет обнародовать свои амурные дела, ради бога, но вопрос, я считаю, — это неправильно, — отрезал Игорь.

— Правильно, Игорек! Я не прав, думаю, «Птицы» должны петь любовные песни, а не обсуждать успехи-неудачи друг друга. Вот если будет просьба о помощи, тогда... А так... В конце концов, я по-прежнему считаю, что у нас должны быть лучшие девчонки, и их будет много. Выбирать будем мы! — пламенно подвел итог диспуту о любви Ероха.

Игорь молча выслушал этот монолог и сказал:

— Все, мужики, мне пора! Завтра контрольная по химии, а я должен, а теперь просто обязан поступить в институт. Всем пока.

Он вышел в коридор, оделся и ушел домой. Игорь не расплескал состояние полета, охватившее его после свидания с Надей. А еще ему не давали покоя строчки, которые он придумал перед собранием «Птиц» дома. «И дождь смывает все следы...»

— Надо что-то с этим сделать, — говорил себе Игорь.

Правда, что, он не знал. Придя домой, Игорь схватил гитару, потом отложил ее и решил записать первые строчки (ему не хватало дерзости назвать их поэтическими), родившиеся сегодня.

И дождь смывает все следы,
Когда уходишь ты...
И налетает пустота.

Он подумал и приписал еще такую строчку:

И тяжким грузом немота...

Он решил убрать «без тебя» и срифмовал:

Где же ты?

Ему самому не нравилась строчка про «тяжкий груз» — уж больно пафосно...

Рифма «ты — ты» его тоже не устраивала, но ему не терпелось взять гитару и спеть эти строчки... Он взял гитару и сразу запел в до-мажоре. Первые две строчки спелись довольно складно, зато не ложившаяся на душу строка никак не встраивалась в его конструкцию песни. И вдруг Игорь сообразил, что можно третью строку чуть изменить, оставив емкое словечко «немота». Получилось «И настигает немота-пустота». Слава богу... Теперь надо что-то придумать с последней строчкой. Игорь крутил и так, и эдак — что-то не получалось. Но он чувствовал, что решение где-то рядом. И тогда он в очередной раз перегруппировал слова в своем первом стихе. И получилось! Не Пушкин конечно, но... И он спел:

И дождь смывает все следы,
Когда уходишь ты.
И настигает пустота-немота.
И дождь смывает все следы,
Когда уходишь ты.
И в мыслях снова чехарда-суета.

Игорь остался доволен собой и приступил к придумыванию запевов. Получилось как-то быстро и безболезненно.

В первый раз ты открыла мне двери;
В первый раз ты открыла мне душу!
И с тобой научился я верить!
И с тобой научился я слушать
В первый раз, в первый раз, в первый раз!

В первый раз я и ты — значит вместе!
В первый раз я и ты, и не тесно.
Я и ты, я и ты — будет песня.
Для меня я и ты — символ чести.
В первый раз, в первый раз, в первый раз!

Игорь быстро скроил запев «новой песни» «Птиц», соединил две части. Хотя, если честно, получалось три части. Повторение слов «В первый раз» тоже тянуло на припев. Причем трехкратное повторение фразы можно было без особого труда преобразовать в семикратное. Да, мало — плохо, но и много — тоже нехорошо.

— Утро вечера мудренее, — решил Болото, отложив песню до следующего дня, а то и вовсе до свидания с ребятами.

Он еще пару раз спел свое творение, чтобы не забыть мотивчик, и приступил к урокам.

Выпускные экзамены прошли так, как и должны были пройти. Андрей Брунов, не хватавший звезд с неба в школе, получил свои четыре-пять, а вот со школьником Игорем Куликом приключилась-таки забавная история. Хочу напомнить, что Никита Сергеевич Хрущев был великим реформатором... И школу он не оставил без своего внимания. Так, одногодки Игоря начали совместное обучение с девочками благодаря реформе, проведенной импульсивным лидером государства; одиннадцать классов вместо десяти — это тоже он... В недрах же его министерства образования родилась идея — отличников (не более одной четверки в аттестате) принимать в институт, если они профильную дисциплину сдадут на пять; остальные экзамены уже можно не сдавать. А Игорь претендовал на медаль и на льготы при поступлении. Но не срослось... Болото писал сочинение про образ советского человека по произведению М. Шолохова «Поднятая целина». И в конце своего сочинения Игорь написал: «Дело коммуниста Давыдова живет, и его именем назван колхоз в той де-

ревне, где он трудился». А этого-то в книге Михаила Александровича и не было; это было в фильме «Поднятая целина», где кино заканчивается кадрами, где показано правление колхоза и на нем табличка с надписью «Колхоз имени Давыдова». Эти кадры и отпечатались в памяти Болота. Все бы ничего, но только взаимоотношения между учителем литературы и завучем школы были далеко не идеальны. И Игорь стал детонатором взрыва в их противостоянии. Завуч за то, что Кулик не знает первоисточник, требовала поставить ему трояк. Собственно, это была еще и борьба со строптивым учителем литературы и русского языка. Литераторша отстаивала Игоря, который был одним из лучших в классе, добивалась для него отличной оценки. Дошли до самого Шолохова... Тот сказал, что Игорь не искал смысл произведения и его сочинение заслуживает пятерки.

И все равно победила завуч, и Игорю поставили на всякий случай четверку. А это была вторая четверка, потому что первая уже была по истории, на которой он «умничал» и доводил своими вопросами историчку до белого каления. Так Болото лишился медали. Но он не вешал носа и готовился к поступлению в свой Московский инженерно-физический институт. Он был силен в математике, но теперь ему надо было дошлифовать остальные предметы, и он занимался своими науками, лишь изредка мечтая о репетициях.

В тот год во время выпускных вечеров ПТУ (это профессионально-технические училища) произошло ЧП. Когда выпускников традиционно привезли на Красную площадь, там произошла серьезная драка между ногинскими и подольскими ребятами. Дрались жестоко, с применением ножей и кастетов. Об этом никто не сообщал в средствах массовой информации, но слух, скорее всего приукрашенный, прошел, и Москва активно обсуждала этот инцидент, увеличивая число жертв и тяжесть их ранений. Власти отреагировали мгновенно, и к выпускным вечерам школьников было принято решение там, наверху: во-первых, сделать посещение Красной площади каждой школы в конкретное время, во-вторых, выпускники имели право на часовую прогулку, и не более, в сердце столицы, и гулять все должны под присмотром милиционеров. Все это было похоже на мероприятие, которое надо провести, чтобы поставить галочку. Сто шестьдесят девятой был выделено время с половины третьего до трех пятнадцати.

И грянул выпускной... И мальчишки тайком бегали в туалет, чтобы приложиться к бутылке портвейна, которую принес кто-то из них. По взрослым меркам вина было чуть-чуть, а много ли нужно в таком возрасте,

чтобы заблестел глаз и ты почувствовал себя взрослым? Тем более что во взрослую жизнь школа и выпускала своих учеников. И сначала были торжественные речи, где говорилось о предназначении человека и ответственности ребят, потом отмечались успехи и отдельные недостатки, учителя снова, как и на последнем звонке, всплакнули, потом под присмотром родителей было застолье, и уже ближе к полуночи всех снова пригласили в актовывй зал, где всех ждали «Птицы». Уже тогда Игорь отметил про себя, что делать праздник для других — это значит лишать удовольствия быть со всеми и предаваться обычным людским радостям.

Правда, Ероха просто прогнал Дрона и Болото к своим одноклассникам, сказав, что они с Середой и Шурой все подключат, но полностью отключиться от проблем настройки аппаратуры все равно не получилось.

«Птицы» играли танцевальную программу, и, наверное, в первый раз в сто шестьдесят девятой школе их слушали вполуха. Особенно это было видно, когда они пели медленные песни. Объятия девчонок и мальчишек были во время танца более чувственными, так как многие из них рассказывали в эти минуты друг другу о своих чувствах, а кто-то прощался со своей девчонкой, поняв, что у них разные дороги...

Но все равно было здорово. А когда ребята запели «К Надежде с надеждой», почти весь актовывй зал запел вместе с ними. Песня начала свою самостоятельную жизнь после первого исполнения. Ребята переписывали друг у друга слова, и многие ее уже играли в своих дворах на гитарах. Все величали ее «Наденькой» и не хотели признавать официальное название.

Успех был локальным, и популярность Игорева творения ограничивалось кварталами 32–35 Юго-Запада, но все равно это было признание.

В итоге ребятам пришлось эту песню сыграть еще пару раз на бис.

А в час ночи началась организованная загрузка в автобусы. Произошло это достаточно быстро. Порядок поддерживали учителя и родители, и никакие эксцессы не произошли. Дрон поехал со своим 11 «А» классом, а Игорь — со своими гэшниками. Конечно, гитары были с собой, и многие выпускники пытались попасть в автобус Болота и Андрея. Ероха и Шура после окончания выступления уехали домой, сославшись на завтрашнюю занятость.

Автобусы прибыли на место своей стоянки. Они припарковались напротив «Националя» на углу улицы Горького, и вся честная компания из школы № 169 терпеливо, около получаса, ждала свое время, обозначенное в расписании, составленном милицейским чиновниками. Дрон и Болото, каждый в своем автобусе, пели

песни вместе с ребятами и учителями. Наконец была дана команда, и ребята под предводительством учительницы отправились на Красную площадь. Все это происходило под неусыпным надзором милиции и по организованности напоминало очередь в Мавзолей. Правда, на самой площади ребята разбились на группы «по интересам»... Но все равно ощущение строгого надзора не исчезало.

Дрон и Болото нашли друг друга и шагали по главной площади столицы с гитарами за плечами. Они подсознательно ощущали, что кто-нибудь попросит их сыграть.

И это случилось, и ребята попросили их спеть и сыграть. И метрах в двадцати — двадцати пяти от Мавзолея вождя революции В. И. Ленина наши герои запели идеологически невыдержанный репертуар, и ребята мгновенно организовали круг и начали танцевать и подхлопывать «Птицам». Милиция смиренно смотрела на танцы ребят. А почему нет? Никто не бузил, не хулиганил... Танцуют? Так что в этом такого? Ребята сами понимали, что надо соблюдать порядок, и никто его не нарушал. Да и вообще — ребята поют здорово, а милиционеры тоже люди... Но время истекло, и об этом один из стражей порядка сказал Дрону. Новая порция выпускников ждала на подступах к Красной площади, и пора было закругляться. И сто шестьдесят девятая организовано отправилась к своим автобусам. Их довезли до школы, учителя отчитались перед родителями в целостности и сохранности выпускников и сказали, что они теперь взрослые и отвечают за себя сами.

— В добрый путь! — крикнули учителя хором. Их замечательные, демократичные, красивые и еще совсем молодые училки.

И все пошли в разные стороны... Никому не хотелось домой, и хотелось продолжить разговоры, взрослые разговоры, где мечта переплетается с реальностью, а любовь с робостью; где каждый искал взаимопонимания и чаще всего его находил.

Андрей и Игорь вдруг оказались одни, то есть совсем одни. В компаниях по интересам они оказались без «коллег». Последний год они были настолько увлечены делом, которое их сплотило, что из своей музыки они практически не выныривали и оказались, как декабристы, «так далеки от народа». Одни... Но Дрона и Болото это совсем не расстроило. Они переживали свое новое приключение — свой маленький концерт на Красной площади. Ребята размышляли о том, где взять столько времени, чтобы совместить учебу (дай бог еще попасть в институт) с репетициями и выступлениями. И в это утро Андрей Брунов в первый раз подумал о музыке, об их музыке как о деле жизни, как о профессии.

— А что если нам стать музыкантами? — спросил Дрон.

— Андрюха, а армия? Ты забыл о ней?

ПЕСНИ «СОВЕТСКОГО ГОСТЯ»

Провожать Дрона собралось человек двадцать. Он уезжал, уезжал навсегда, и все это понимали. За окном стоял семьдесят шестой год.

Собрались самые близкие, самые верные, короле, самые-самые... Это не было похоже на проводы в армию, где нужно отслужить положенные годы и вернуться домой. Может быть, так провожали на войну, но большинство дружков Андрея Брунова родились после войны, и поэтому эта аналогия не приходила в голову. Но я так думаю, что в «смерть от вражеской пули» верилось, но что это коснется твоего близкого... Нет, в это поверить было нельзя. А в этот вечер... А в этот вечер Дрон улетал в Вену, а дальше, хотя декларировалось, что в Израиль, все понимали, что следующий самолет для Андрюхи полетит в сторону Соединенных Штатов. Он шутил, что по следам Колумба будет тоже открывать Америку, прокладывая дорожку для всех остальных. Для кого «остальных», не расшифровывалось, да никто и не хотел этих разъяснений.

Елена Борисовна суежилась на кухне, и столу, накрытому мамой Дрона, позавидовала бы любая советская свадьба. Свадьба... Ее, видно, не придется сыграть Андрюхе в Москве, хотя случился у него все-таки роман, о котором так мечтала матушка Дрона. Как-то долго и слишком усердно играл он на своих гитарах, как-то не получалось, ну не получалось ее Андрюше порхать от одной девчонки к другой, что-то мешало ему с легкостью знакомиться и заводить ни к чему не обязывающие отношения. Вместо того чтобы бежать на свидание, он с упорством играл на гитаре и что-то там придумывал. Ей нравились его друзья: и Сережа Ерохин, и Шура и этот, как его, Болото. Она даже пару раз ходила на их выступления.

«Птицы»... Недолго вы полетали, недолго поехали. Андрей уже через полтора года ушел из ансамбля. Елене Борисовне было искренне жаль, что они что-то не поделили. Она не понимала желание Андрея играть более жесткую музыку. Какую еще жесткую музыку? У «Птиц» все так складно получалось. Сережа так здорово пел, и он такой красавчик; девчонки сходили по нему с ума. Конечно, образования ему не хватало, и это, судя по всему, сильно мешало строить дружеские отношения с ребятами, и в конце концов он ушел в профессионалы. Но это было уже после ухода Андрея в ансамбль «Половцы». Какое славное было время...

Маленькие мальчики, которые сами еще нуждались в опеке, делали свои первые шаги, первые мужские поступки. А какой замечательный мальчик — Болотце... Почему-то не хотелось звать его по имени. С какой легкостью ей удавалось разговаривать с ним и выведать все их тайны: и музыкальные, и сердечные. В сердечных она, конечно, разбиралась лучше, но Игорек и про ансамбль ей рассказывал подробно. Во всяком случае, она видела, как Болотце переживал развод «Птиц» и уход ее сына к «Половцам». И она сумела провести нужную политико-воспитательную работу, и ребята не переругались друг с другом и идут по жизни рядом. Ее Дрончик, а все признают за ним стратегический талант, прокладывает лыжню, по которой тот же Игорек со значительно меньшими потерями устремляется вперед по жизни.

Правильная ли это дорога? Кто ж знает? Вот ее сын оканчивал свой юрфак практически заочно, работая в профессиональном ансамбле Москонцерта. Они туда всеми «половцами» ушли. Их новый шеф через каких-то своих влиятельных дружков сумел их отмазать от армии и добился того, чтобы они заочно оканчивали свои университеты. Пригодятся ли им дипломы, жизнь покажет. Андрюше-то точно уж не пригодится. Но что теперь об этом говорить... Как она просмотрела зарождающееся в сыне желание уехать из страны? Рок-н-ролл... Ни черта она в этом не понимает. Почему его нельзя играть у нас? Почему, почему? А почему о Сальвадоре Дали нельзя писать и говорить? Они, эти фанатики-коммунисты, совсем обалдели со своим стремлением «не пущать»... А там, куда он едет, что ли, все гладко? Что-то не верится. Быть первым там ох как будет нелегко. А кто поддержит? Кому поплакаться, если что пойдет не так? Боже мой, как же она не связала его желание изучать английский с возможным отъездом? А что бы она могла сделать? Поговорить? Поплакать? В конце концов, он взрослый парень и сам должен решать свою судьбу. А она... А она будет ждать, писать письма и бегать на переговорный пункт, чтобы услышать его по телефону. А это, наверное, дорого; не очень-то и поговоришь.

Что ж, ждать — это судьба русской бабы. А может, что-то изменится и спадет пелена с глаз наших мудрых и всезнающих лидеров.

А вчера она говорила с Болотцем. Вот тоже дуралей. Он сказал, что завидует Андрею, его решительности и верности детской мечте — играть рок-н-ролл. Бедный мальчик... Он почти плакал, когда говорил, что у него не хватит сил вот так, как Андрюха, поломать свою жизнь и начать новый отсчет. Наверное, говорил Болотце, он не так любит их музыку и поэтому не сможет перешагнуть через любовь к близким, да и уехать из своей, пусть такой-растакой, страны. Пока (смешной мальчик) не может. А вот Андрей может. И она не знала,

гордиться ли ей сыном или ругать последними словами. Да, он благородно сделал, уволившись из Москонцерта, чтобы не пострадала коллеги, «проявлявшие халатную близорукость». Он подумал обо всех... Кроме нее. И что теперь ей делать? С кем делить это горе? Мужа нет. Он тоже эмигрировал. На тот свет. Эх, Андрюша, Андрюша! Твою музыку притесняли... А еще обидно становилось за притеснение евреев, и ты вспоминал, что в тебе тоже журчит эта самая кровь. Ну и журчит, и что с того? Так от сложностей человек становится более стойким; сталь же тоже закаляют. Работал бы и работал в своем Москонцерте, ездил бы за границу, зарабатывал бы приличные деньги, а ты их и вправду много имел.

Виданное ли дело, в двадцать с небольшим купил на заработанные самостоятельно «жигули».

И самое главное — Наташа. Какая хорошая девочка, тоже в университете учится. Ну, может, не такая красotka, как ерохинская Галина, да и с Болотцем девчонки к нам приходили поярче. Но Наташка-то умница и как Андрея любит. И что теперь? Вон она сидит рядом с ним и только что не ревет. За руки держатся. Что же за людоедское у нас государство? Ну почему им надо расставаться? И расставаться навсегда... А может, так распорядилось провидение? И потом они напишут роман «Как закалялась Любовь», и его будут изучать в школе. Ой, ребята, ребята...

А тем временем Дрон расчехлил гитару, которая стояла рядом с его чемоданом. Все оторвались от стола и разговоров и устремили свои взгляды на Андрюшу.

— Я хочу вам показать новую песню. Не знаю, доведется ли мне когда-либо еще для вас спеть что-нибудь новенькое, да и старенькое тоже, скорее всего, не придется.

— Ты чего, Дрон? — загалдели ребята.

— А ничаво, вот чаво, — ответил Андрюха, — правда, ведь никто не говорил, что там, за бугром, мы не сможем посидеть и выпить, да и попеть тоже. Но для этого вам надо будет обмануть наши доблестные органы. Знайте, поляну я накрою, а все остальное в руках судьбы. Итак! Новая песня!

Андрюха запел на три четверти, пародируя Бориса Чиркова с его «Крутится, вертится шар голубой...» из трилогии про Максима. Судя по всему, эта песня была совсем свежей, и Дрон ее пел по бумажке.

Меня провожали не в армию;
Я с Христофором Колумбом
Рванул открывать Америку,
Билет мой в один конец!

Прощай, мать родна Эсэсэсэрия,
Я выпью все, что мне отмерено.

Готовьте цветы и слезы,
А кто-то терновый венец.

Дрон пел, и какая-то нереальная тишина установилась в квартире хрущевского разлива. И была в этом некая пронзительная правда, когда песня проникала в самые заветные уголки души, которые тысячу лет не проветривались и куда не проникали ни солнечные лучи, ни очищающий ветер. Девчонки и Елена Борисовна плакали... Наташка сидела с абсолютно сухими, отчаянно кричащими глазами.

— Не уезжай! Не уезжай, Дрончик! Я умру без тебя! — шептала она. — Возьми меня с собой! — Она вдруг бросилась к нему на шею, и у нее неожиданно началась истерика.

Реанимацией Натальи занимался весь коллектив, и вот она уже просит прощения у Дрона и у всех, всех, всех за свое такое бабское поведение.

А время, как всегда, было неумолимо и пора было рулить в Шереметьево. На трех таксомоторах поехали в аэропорт. Игорь сидел рядом с водителем, а на заднем сиденье расположились Андрей и его Наташа. За всю дорогу они не проронили ни слова, лишь иногда Дрон вытирал слезы, катившиеся по ее щекам. Так они и доехали до порта, где люди прощались друг с другом. И многие считали, что навсегда.

Шереметьево провожало уже несоветских, но еще и незаграничных граждан. Было много суеты, слез и неумолимых речей работников таможенной службы. Дрону повезло, его узнал таможенник, который видел его на сцене, и поэтому все формальности уместились в одну фразу.

— Жаль, что ты уезжаешь, надеюсь, гитара не представляет культурной ценности?

— Стану великим, тогда посмотрим, — ухмыльнулся Дрон.

— Андрей, обязательно пиши! Нам будет плохо без тебя!

— Проваливай, хватит рвать нам душу, — сказал Болото, — ты еще узнаешь о нас в своих забугориях.

— Береги Наташу! — сказал Андрей Игорю и крепко сжал ее в своих руках.

Андрей взял свою гитару и шагнул прочь из своей прежней жизни. И уже уходя, он крикнул:

— Прощай, мать родна Эсэсэсэрия, я выпью все, что мне отмерено!

И ребята неожиданно для себя заплодировали. Но на поклон Дрон не вышел, и провожающие потянулись к выходу.

Игорь остался один и, оттягивая момент свидания в письме со своим другом, зачем-то пошел в ванную комнату и почистил зубы, хотя по медицинским по-

казаниям делать этого совсем не нужно было. Затем тщательно причесался и, взяв в руки письмо из Америки, сел в кресло. Не зная, он волновался... Что он хотел прочитать и что боялся прочитать в письме, Болото не знал. Да, собственно, любая новость оттуда для него означала крушение картины, которую он нарисовал о житье-бытье Дрона. А если картина, ЕГО картина забугорной жизни совпадет с описанием Андрея, то... Что «то», Игорь не стал выяснять, он резким движением вскрыл конверт, и оттуда выпала фотография, на которой он узнал волосато-бородатые физиономии Дрона и Эскина, и еще с ними были двое парней, постриженных и побритых более консервативно, чем гости из Москвы.

Подпись под фотографией была: «Это наша дрондулетина». Болото внимательно оценил новых дружков Дрона и решил, что со своим хаером он бы стилистически не выпал бы из фотки русско-латышско-американской группы.

Ладно, почитаем, что он там нам пишет... Он вытащил из конверта письмо и развернул его. «Здравствуй, мой несравненный Зелененький! Привет тебе из солнечной Калифорнии!

Сейчас я начну жутко хвастаться и расхваливать тутюшнюю жизнь. Пока не могу сказать, что нашу... По многим причинам. Во-первых, есть понимание, что к созданию этого калифорнийского рая на земле я не приложил ни своих рук, ни своего умения. Во-вторых, не могу избавиться от ощущения, что пока вижу только рекламу товара (я имею в виду США), а основные достоинства и недостатки мне еще не открылись во всей красе. В-третьих, просто боюсь сглазить. В-четвертых, я начну мыслить об Америке как о своей стране, только когда начну думать на английском языке. Думаю, перечитав эти пункты, ты поймешь, что я еще не сошел с ума и могу реально оценивать себя и свое место во вселенной. Чувствуешь, Болотце, масштабы моих образов?

Конечно, никакие описания и никакие фотографии не дадут тебе почувствовать аромат этой жизни. Мне смешно вспоминать, как мы себе представляли хиппарей... Джинсы, длинные, волосы, что еще? Дальше фантазия у нас не работала; да, собственно, они, эти самые хиппи, и не могли бы появиться у нас где-нибудь в Марьиной Роще. Климат не тот... Знаешь, правительство США, заработав приличные деньги во время Второй мировой войны, так высоко подняло пособие по безработице, что вся молодежь ихняя поняла, что можно не работать, а в Калифорнии так тепло, что и не надо тратиться на одежду и кров над головой. Короче, пособия хватает, чтобы оттягиваться, слушая рок-н-ролл и забывая косяк. А план здесь пока качественнее будет, чем тот, которым торгуют у метро «Университет».

Местные парни и девчонки, как цыгане, сбиваются в стаи и кайфуют почем зря... Я все время вспоминаю одного московского хиппаря, который работал в мини-стерстве торговли на Смоленке. Он ходил на работу в парике с короткими волосами, а после работы распускал хаер по плечам и шел “в свет”. Клевая жизнь у нас была, наивная... Да и сейчас, я думаю, мало что изменилось.

Мазер говорила, что ты слышал наш бэнд. Эскин симпатичное название придумал. Я предлагал назвать “Эскадрон”, зашифровав и его имя тоже, но Саша настоял на “Дрондулете”, сказав, что он не хочет связывать себя с музыкой и поэтому в наследство оставит название мне. Он решил заняться лингвистикой. Жаль... Эскин еще в Москве знал, что будет поступать в университет, и придумал название, которое бы ассоциировалось только со мной. Он — классный парень и замечательный музыкант. Жаль, что я его не удержал... Со своими практически энциклопедическими знаниями он не мог не поступить. Он нам впаривал, что бежит от девок и наркотиков, которые нас, если честно, сопровождали, но я думаю, что он лукавил... И в Америку он рванул, чтобы получить серьезное образование, он почему-то хотел получить его не в Союзе.

Что касается знаменитой формулы “секс, наркотики, рок-н-ролл”, она, конечно, тут работает, но не тебе, артисту Москонцерта, мне рассказывать, что это такое. Я так скажу: в Рашке с этим делом было даже веселее. У нас девчонки-то поотвязнее будут. Совсем я запутался в своей ориентации в пространстве. У нас, у вас...

Будешь смеяться, но я тут успел жениться и даже развестись. Все было в каком-то угаре, и я даже не понял, зачем мы это сделали. И формула, про которую я тут рассуждал, скажу я тебе, совсем ни при чем. Вишкар... Он и только он — виновник моего свадебного приключения. Я даже не помню, была ли первая брачная ночь. Короче, друг твой — аморальный тип.

Вернусь к музыке... Эскин, вот ведь хитрая еврейская морда, поступил в свои университеты по почте, а мы и знать не знали, что он какое-то там интервью письменно дает профессорам. Так, представляешь, он такую работу написал, что его приняли в вуз, да еще назначили на стипендию. А у нас-то успехи, причем приличные, были. Нам один член предлагал на раскрут миллион долларов. Бешеные деньги. Жаль... Но у каждого своя судьба. Сейчас мы без Сашки пытаемся найти себе работу, но без него нас чего-то не особенно ждут. Эскин и пел здорово, и красавец, а мы пока никто и звать нас никак, как у Леннона — три NOMANA. В ресторан зовут петь, но там надо петь “Одессу”, а я не за этим сюда ехал.

Тут меня одна мысль посетила... Мы почему-то так и не придумали ни одной совместной песни с тобой. Не

стали русскими Полом и Джоном. И вот я тебе хочу предложить устранить этот недостаток. Я высылаю тебе текст и предлагаю написать к нему мотивчик. Я надеюсь, что мы с тобой ее когда-нибудь споем вместе, но вдруг техника шагнет еще вперед и мы по отдельности запишем свои соответствующие треки и, находясь в разных галактиках, создадим совместную песню. Ты же слышал, что Ринго таким образом записал альбом, когда “Битлы”, Марк Болан, короче, все, все, все, кто его любил, смастерили ему пластинку.

Так что держайте!

Но это потом...

Я бежал от тебя;
Я бежал от любви,
Убивая ее в самом цвете.
И спасал я тебя;
Пересудам молвы
Не убить нашу память о лете.

Когда ты, ты и я
Начинали полет
И любовь нам была порукой.
Когда ты, ты и я
Полетали и вот:
Заклубилась зимою разлука.
Припев.

Быть может, потом в новой жизни
Споет о любви майский гром.
Не будет обид на судьбу и отчизну,
Но это потом, все потом.

Я верю, что завтра
Одолеет вчера.
Но как сладко там было порою
Кофе, тосты на завтрак
И тетрадь для пера.
А гитара нам песню откроеет.
Припев.

Что ж, пожалуй, все!
Пилите, Шура.
Советское Болото — лучшее в мире!
Твой Дрон!»

ПТИЦЫ ПЕРЕЛЕТНЫЕ

Болото оседлал свою «пятерку» и рванул к Дрону на улицу Крупской, откуда тот когда-то уехал в другую жизнь. Его встретил бородатый мужчина все в таких же кедах из далеких школьных времен, в узких джинсах, клетчатой рубашке и джинсовой жилетке. Борода и

подкрученные усы делали его похожим на последнего русского царя Николая II, упаковавшего себя в хипповый прикид. Первое впечатление понравилось Болоту. Ребята обнялись и долго не выпускали друг друга из объятий. Наконец Дрон пригласил Игоря пройти в квартиру.

Болото с интересом разглядывал своего друга. Тот тоже поглядывал на него, но не с таким любопытством. Все же в Игоре, не менявшем среду своего обитания, эти изменения не столь явно читались. Да, повзрослел, да, в хорошей физической форме, да, борода уже растет не клочками, а более интенсивно. Но это можно было предположить, время-то идет...

Зато Дрон... А от Андрея за версту веяло американцем... То, как он выглядел, как неспешно складывал слова в предложения, как неторопливо и обстоятельно отвечал на вопросы о тамошней жизни, производило впечатление. А может, он и пытался произвести впечатление? Может, он чувствовал себя Миклухо Маклаем, приплывшим на острова к аборигенам, чтобы принести им свет цивилизации? Но эти вопросы в голову к Болоту пока не приходили. Он с радостью отметил, как счастлива Елена Борисовна увидеть своего сына рядом с собой — такого взрослого, умного, набравшегося жизненного опыта, пусть еще не устроившего свой быт и не приведшего в ее дом невестку, но все равно вернувшегося в свой дом из такой длительной командировки. «А вдруг ему у нас понравится и он останется здесь? — думала счастливая мама Дрона. — Вот и Болото добился успехов в своем деле. И он поможет Андрюше снова занять достойное место в нашей жизни, я в этом не сомневаюсь. Наверняка у него есть разнообразные связи. И Андрюша, он же так много знает: и юрист, и звукооператор и (как это?) художник на компьютере (не помню, как он называл эту профессию... Неважно), да и на гитаре научился небось чему-нибудь в своих Америках. А потом он же пожил ихней жизнью, а это такой опыт. Можно в какой-нибудь газете перестроечной поработать и целый цикл статей написать под условным названием “Америка наизнанку”... Только бы ему понравилось у нас, только бы понравилось. Ведь здесь же его дом, а там эти вечные скитания по съемным углам».

— Ну и как первые впечатления от Родины? — спросил Болото, привычно усаживаясь на давным-давно облюбванное им место в углу дивана.

— Приятно всех вас увидеть, обалденно приятно! — ответил Дрон.

— Кайфуй, Дронушка... Скоро ты к нам привыкнешь и начнешь замечать наши недостатки, а потом, как писал Иван Бунин, начнет тебя сжирать ностальгия по твоей Америке, как говорят пошляки-музыканты.

— Не поэт ты, Болото, не поэт. Кайфоломов ты... Мы же только встретились, не выпили даже квалитетного вискаря из страны победившего капитализма, а ты...

— Чего я? Все нормалек. Это я солонку стелю, чтобы не так грустно с тобой прощаться потом.

— Прощаться... А зачем прощаться? Сейчас катай себе туда-сюда, постановление вышло. Можно... Главное, чтобы монета на кармане была.

— Ну, это вы привычные туда-сюда мотаться, а нам, простым смертным, еще надо документ специальный долго получать, чтобы к вам съездить. Правда, почирикать свободно дали, а вот миску с зерном забыли наполнить.

— Болото! Какие ты несознательные разговоры ведешь. Да у тебя просто какая-то «свобода слова» на марше.

— На марше, на марше... Я же говорю, что почирикать, а к остальному мы пока еще не привыкли.

— Но все равно, Болотце, я безмерно рад, что ты со своими песнями преуспел в Стране Советов. И тем более мне приятно, что тебе никто не советует, что и как петь.

— Да... В этом деле я дока и зарабатываю себе на жизнь тем, что произвожу сам. Такое, знаешь, натуральное хозяйство.

— Ну, про семью твою мне мазер все рассказала; про мою рассказывать нечего. Предмета для разговора нет. Вот приехал в перестроечную столицу. Может, здесь и свою жизнь по-быстрому перестрою. Как покатит, в общем...

— А что у тебя с музыкой? Как я понимаю, стартовали вы с Эскиным даже очень неплохо.

— Неплохо? Стартовали мы отлично. Это потом все наперекосяк пошло. Девки, наркота... Зависали на несколько суток. Играли в хиппи...

— Почему играли? Может, вы ими и были?

— Да нет... Недотягивали мы в каких-то компонентах, чтобы совсем уж отвязаться. А еще на первых порах из нас дух «хомо советикус» до конца не был истреблен. Разбежались мы. Эскин первым взялся за голову и поступил учиться, а без него мы почему-то переругались все. Делили власть. Никак не могли решить, кто у нас лидер.

— Грустно...

— Не говори... А что наши «Птицы»? Я часто вспоминал времена сто шестьдесят девятой школы. Как все было замечательно!

— «Птицы»? — Болото задумался. — Шура работает в симфоническом оркестре, он, собственно, этого и хотел. Женился, жена старше его и окружила его такой заботой, что к нему не подобраться. Его ведь несколько раз приглашали в популярные ансамбли на

работу, но семья, дети... Кто ж его отпустит на тропу разврата?

— А Ероха?

— Серега имел осязательные успехи на профессиональной сцене, даже был худруком группы, но потом что-то произошло и его попросили из Москонцерта, и, как говорят, что-то там он натворил и чуть его не посадили даже.

— Он с Галкой вместе?

— Нет, они разбежались. У них как-то не случилось с детьми, и сейчас он женат вторым браком, и, как говорят, они родили девочку, и Серега вполне счастлив.

— Ты с ним видишься?

— К сожалению... Хотя почему к сожалению, просто не вижу. У нас у каждого своя жизнь.

— Жаль... Как он клево пел. А чем он занимается?

— Точно не знаю, но слышал, он затеял какой-то бизнес. Он хваткий, я думаю, он не пропадет.

— Жаль, что вы не вместе.

— Ты же знаешь, он ревнив, и когда мы с ним говорили в последний раз, я почувствовал, что его тяготит мой успех. Вторым он никогда не будет. Ты же понимаешь, что даже если я посторонюсь и уступлю ему свое лидерство, этого не поймут мои зрители. Ты будешь смеяться, но они не хотят меня ни с кем делить. Это я про своих зрителей...

— Почему же «смеяться»? Я это как раз очень даже понимаю. Для Америки это обычная история. Сегодня ты дворник, а завтра — миллионер.

Елена Борисовна, которая молча слушала беседу двух друзей, встала и отправилась приготовить что-нибудь на стол, решив, что ребята могут ее постесняться при обсуждении каких-либо интимных вопросов.

Дрон, проследив, как матушка скрылась на кухне, взглянул на Игоря и спросил:

— Болото, а что моя Наташа?

— Дурак ты, Андрюха... Твоя Наташа... Такая классная девка, так тебя любила, да, может, и сейчас любит. Да никакая Америка не стоит твоей Наташки.

— Очень ты правильный, как я посмотрю.

— Посмотри, посмотри... Она мне о тебе и своей любви столько рассказала, что я бы мог тебе эти рассказы всю жизнь маленькими порциями продавать.

— А ты бизнесмен, просто какой-то американец.

— Это я подстраиваюсь под ваш образ мышления капиталистический.

— Это дурак ты, Болото! Да, я в Америке стал большим русским, чем до отъезда отсюда. Не получается у меня что-то стать американцем. Нет во мне калькулятора, который бы оптимально просчитывал мои деньги и мои чувства. А Наталья? Я по кругу гоняю свои мысли о ней и понимаю, что никакие телки и никакие

претендентки на мою свободу не сравнятся с ней. Хотя на свободу мою никто и не посягает. Кому я нужен с пустым кошельком. В этом, правда, есть и положительный моменты. Тут вот решил съездить в Гватемалу, на ихние пирамиды поглазеть. Купил билет по какому-то сногшибательным скидкам, напялил на себя рюкзак и оказался в Центральной Америке, и никакому профкому не надо было объяснять, что я там забыл, и никакой жене не надо было докладывать, на какие теперь деньги мы купим кухонный комбайн.

— И как пирамиды?

— Клево! Представляешь, нас еще не было, рок-н-ролла не было, коммуник не было, а пирамиды уже были. А на кой ляд их строили, непонятно.

— Да, Дрон, все-то ты видел, а Наташу проглядел.

— А как она сейчас?

— Знаешь, тут она была у меня на концерте. Одна, без мужика... Я ее после проводил до дома, говорили, друг мой, исключительно о тебе. Я ее спрашивал о ее семье. О ребенке рассказывает с удовольствием, а от вопросов о муже уходит.

— Ты видел его? — глухо спросил Дрон.

— Нет, меня не осчастливили и не показали законного супруга. Мне вообще-то показалось, что у них в этой самой семейной жизни не все гладко. Так что, Дрон, делай выводы. У нас в стране всю идет перестройка.

Андрей надолго замолчал, и Болото не решался прервать его размышления.

Наконец Дрон, как бы вспомнив о чем-то, спросил:

— А что у тебя с музыкой? Что поешь, что сочиняешь?

— Да так, всякую ерунду... правда, несколько лет назад придумал неплохую песню на стихи одного американского поэта, кстати, выходца из СССР. Правда, не удалось ее показать соавтору.

— Я его знаю?

— Скорее нет, чем да. Если бы ты его знал, то не надеялся бы столько глупостей в своей жизни.

— Хватит гнать, Болото.

— О, у вас в Нью-Йорке умеют по фене ботать?

— У нас все умеют. Ну так что песня? Мне правда не терпится ее услышать. Мазер мне нахваливала по телефону.

— Ладно, тащи гитару. Так уж и быть — спою.

Дрон принес старенькую, еще времен «Птиц» гитару и протянул ее Болоту.

— Боже мой, струны с тех пор, как ты свалил, никто не менял.

— А кто их мог поменять, мазер в моей комнате, как в музее, ничего не трогала.

Болото долго подстраивал струны, сознательно мучая Дрона, и наконец взял ре-мажорный и, улыбнувшись, неспешно заиграл вступление.

— Я бежал от тебя, я бежал от любви, — пел Болото, и Андрея с каждой новой строчкой охватывало все большее волнение... — Быть может, потом, в новой жизни, — пел Игорь.

Андрей, моментально схвативший мелодию припева, подстроил сверху терцию, и они вместе спели:

— Спойт о любви майский гром...

Песня закончилась, и Дрон в волнении обнял своего друга.

— Спасибо, Игорях! Это лучший подарок, что ты мог для меня сделать.

— Песня получилась?

— Это значительно лучше, чем я предполагал. И потом, у тебя всегда получают такие цеплючие мотивчики в припеве, что хочется сразу подпевать.

— А ты мне и подпоешь. Послезавтра у меня концерт, и я тебя вытащу на сцену. Давно, небось, подмостки не топтал?

— Давненько, — ответил Андрей. — Слушай, Болото, если ты такой всемогущий...

— Скажешь тоже, всемогущий... — перебил Игорь.

— Всемогущий, всемогущий... А что я хочу тебе предложить...

— Докладывайте! Только сначала ответь на один вопрос.

— Какой?

— А что если в первой фразе поменять чуток слова?

— Как?

— Вместо «я бежал от тебя» спеть «я бежал от себя»?

— Нет, если так сделать, то получится песня про эмиграцию, а я хотел написать песню про Наташу...

— А то, что ты от нее смотал, это не побег от себя?

— Ты прав, конечно, но все-таки я писал песню о любимой женщине и не хочу, чтобы получился социальный протест.

— Ну, как знаешь...

— Слушай, я вот что подумал... А что если тебе на сцену нас всех собрать?

— Кого — нас? — не понял Болото.

— Вокально-инструментальный ансамбль «Птицы», — торжественно провозгласил Дрон.

— Клево! Это надо подумать...

— А что тут думать? Обзвонить всех и спеть с тобой вместе нашу новую песню «Все потом».

— Так это надо хотя бы репетнуть.

— Так завтра и поиграем. Ты ведь везучий.

— Ну, Шура-то сразу согласится, тем более что он сейчас в отпуске, — размышлял вслух Болото, — а вот Ероха... Не уверен, что он подпишется.

— Звони Шуру. — Игорь вдруг узнал в Дроне старого энергичного выдумщика Андрея Брунова из соседнего класса. — А Серегу я беру на себя. Все-таки мы старинные друзья и у него ко мне нет чувства ревности.

И им действительно в этот вечер везло... Шура мгновенно согласился поиграть вместе. А телефон Ерохина, который все-таки через пятые руки нашли, ответил голосом лидер-певца «Птиц». И после недолгих переговоров с Дроном Сергей подтвердил желание спеть вместе, как когда-то.

Полную версию «Птиц перелетных» можно будет прочитать в книге, которая готовится к выходу в издательстве «АСТ».

